

Золина Г.П., учитель истории и
обществознания МБОУ
«Ромодановская средняя
общеобразовательная школа №2»

Советский героизм как феномен: происхождение и природа индивидуальных и массовых героических поступков

*Вечная слава!
Вспомним всех поимённо,
Горем вспомним своим...
Это нужно не мёртвым!
Это надо живым!*

Семьдесят лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны, а она всё взывает к нашей памяти. Солдаты войны, и павшие, и живые, приходят к нам со страниц книг, с кино и телеэкранов, они приходят к нам из песен и стихов, а также письма войны, это подлинные документы, живые свидетели войны, её битв и сражений, это мысли воинов, запечатлённые в солдатских треугольниках.

Война 1941 – 1945 гг. была жестоким насилием и попыткой тотального уничтожения советского народа фашистской Германией. Солдат, не щадя себя на поле брани, защищал не своё национальное величие, а земную справедливость, жизнь на Земле.

Главным действующим лицом, героем этой войны и её победителем был многонациональный народ СССР. Всего, по новейшим данным, потери СССР составили около 27 млн. погибших.

Значительную роль в достижении Победы над фашизмом сыграл героизм как индивидуальный, так и коллективный. Мы воскрешаем в своей памяти подвиги Зои Космодемьянской, Карбышева Дмитрия Михайловича, Александра Матросова и др. У подвига есть удивительное, счастливое свойство: он дарит особые часы, мысли и воспоминания человечеству, часы, которые с небывалой силой обнажают братство людей и преступную бессмысленность войн.

Однако в последние годы возникает феномен трансформаций героических образов, их значительной переоценки, когда под открытием новых фактов, происходит девальвация подвига, что ведёт к принижению, затем и забвению людей, отстаивших независимость нашей Родины.

Сегодня как никогда важен призыв чешского героя антифашиста, погибшего в нацистском застенке – Ю. Фучика: «Об одном прошу тех, кто переживёт это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придёт день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого своё имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чьё имя войдёт в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами».

Таким образом, проблема советского героизма приобретает в настоящее время особую актуальность.

XX век породил глобальные массовые политические феномены, продемонстрировал возрастающую роль народных масс в историческом развитии. История революций, войн показывает, что подвиг или героизм, коллективный или индивидуальный, приводит в движение большие массы людей. Люди, совершившие подвиг – это люди как скалы, которые победили фашизм – мировое зло над всем человечеством.

Вышеизложенные положения можно считать достаточно продуктивными для понимания роли феномена подвига для истории. Какие же мотивы руководят воином в бою? С одной стороны, прежде всего ненависть к врагу, чувство любви к Отечеству и чувство долга. С другой стороны, привычка повиновения начальникам, т.е. дисциплина, желание отличиться перед товарищами своей отвагой и мужеством, опасение прослыть трусом или же боязнь наказания при проявлении трусости, наконец, пример начальника.

Смелость в бою представляет собой достаточно сложный психологический феномен и при всём сходстве внешних форм проявления имеет, как правило, весьма различное происхождение и основу.

Так, в экстремальных условиях войны, под влиянием опасности, трудностей, постоянного физического и нервного напряжения, действие эмоционального фактора приобретает особенно интенсивный характер. С одной стороны, чувство боевого возбуждения наступательный порыв, а с другой стороны – групповой страх, уныние, обречённость, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Таким образом, и паника, и массовый героический порыв – часто явления одного порядка, отражающую психологию толпы.

Этим во многом объясняется и феномен коллективного героизма, и сила героического примера. Так, подвиг одного человека (или воинского

коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, а вместе с тем являющимся и готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

На войне, особенно в конце боя, когда части перемешаны, строй и порядок потеряны, когда в одну кашу собьются люди разных полков, войско превращается в психологическую толпу. Чувства и мысли солдат в эти минуты одинаковы. Они восприимчивы к внушению, и их можно толкнуть на величественный подвиг и одинаково можно обратить в паническое бегство.

В начальный период Великой Отечественной войны таким импульсом, заставлявшим целые части срывать с позиций и устремляться от мнимой опасности, обычно становился крик «самолёты», «танки», или «окружают». Вызвано это было и общим состоянием духа войск, успевших привыкнуть к ударам превосходящих сил противника, собственным неудачам и поражениям, к длительному отступлению, а потому сравнительно легко поддающееся малодушию, панике и бегству в тыл.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии №270 от 16 августа 1941 года и Наркомата Обороны СССР №227 от 28 июля 1942 года. Каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был драться до последней возможности и, независимо от своего служебного положения, уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу. Особо изощрённым видом давления на сознание отступающей армии явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей приказа будут подвергнуты аресту. Главный способ борьбы с паническими настроениями был прост, что паникёры и предатели должны истребляться на месте. Можно по-всякому относиться к его жестокости, но при этом нельзя отрицать его действенности. В конечном счёте, цель была достигнута: Приказ №227 сумел переломить настроение войск. Не исключено, что без такого весьма своевременного приказа не удалось бы победить под Сталинградом, да и в войне в целом. Солдаты Великой Отечественной войны вспоминают, что на войне солдат должен бояться собственного начальства больше, чем врага, испугаешься вражеской пули, получишь свою, а о сдавшихся в бою будет сообщено по месту жительства.

Немаловажную роль в истории Великой Отечественной войны играет состояние аффекта - сильное и относительно кратковременное нервно-психическое возбуждение, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств. Он развивается в критических условиях.

Человек не способен найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданных ситуаций, когда внимание целиком поглощается породившими аффект обстоятельствами и навязанными им действиями. Таким образом, многие формы и героических порывов, и паники в экстремальных условиях войны носят в себе ярко выраженные симптомы в состоянии аффекта. Его механизмы в целом универсальны для человеческой психологии, особенно в групповых, коллективных, массовых проявлениях в боевой обстановке, и, конечно же, в управлении войсками, в их воспитании, прежде всего, морально-психологической подготовке, приоритет обоснованно отдается сознательно-волевым качествам воинов. Устойчивость к вовлечению в состоянии аффекта, зависит от уровня развития моральной мотивации личности и ее способности к сознательной само регуляции.

В годы Великой Отечественной войны основными индивидуальными образцами, эталоном или символами нравственного подвига служили Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, Юрий Смирнов, Дмитрий Михайлович Карбышев и другие. Групповыми символами негибаемого бесстрашия явились: «герои-панфиловцы», «молодогвардейцы».

В настоящее время пишут, что героические символы (индивидуальные и групповые) порождали феномен массового подражания, «тиражирования» образца подвига. Да, история знает сотни «матросовцев», «талалихенцев», «гастелловцев». Но это, безусловно, не значит, что аналогичное поведение было всегда и исключительно подражательным. Десятки людей совершали подобные подвиги, даже не зная об «образце», многие - ещё до него, да и в любом случае каждый подвиг был индивидуален и неповторим.

Следует отметить, что литература в советском обществе выполняла не только художественную, воспитательную, но и идеологическую роль. В истории Великой Отечественной войны есть факты, когда другие люди совершали аналогичные подвиги, часто проявляя ещё больший героизм, но при этом оставались никому неизвестными. Далек не на каждого героя находился свой «летописец», будь то журналист или писатель. Повезло немногим.

Следовательно, механизм формирования героических символов относится к сфере идеологии и пропаганды, а их содержание – к категории социального мифотворчества. Последнее могло осуществляться как «сверху» (через СМИ, литературу, кино), так и «снизу», на уровне бытового фольклора. Но, как правило, чтобы стать феноменом массового сознания, эти уровни рано или поздно должны были столкнуться: спущенный «сверху»

символ нередко становился популярным в народе, а «рождённый в массах» - получал подкрепление со стороны официальной пропаганды.

В истории Великой Отечественной войны существует пример ситуационного отношения к символам. В начале Великой Отечественной войны в условиях тяжелых оборонительных боёв, громадных людских потерь, когда врага нужно было остановить любой ценой, в качестве героических символов приобрели известность подвиг лётчиков, совершивших различные виды таранов («воздушные», «огненные», «ночные»), отождествляющиеся в основном с именами Виктора Талалихина и Николая Гастелло. Позднее, в условиях перелома в ходе войны, когда советская авиация получила господство в воздухе, воздушные тараны стали анахронизмом и перестали быть предметом массовой пропаганды. Более того, всё чаще стала звучать мысль: «Сколько же можно гробить технику?»

Судьба героических символов столь же разнообразна, как и судьба их героев- прототипов. Символы не оставались неизменными в общественном сознании. Одни из них исчезали почти без следа, другие видоизменялись, третьи канонизировались, становились «историческими символами» - знаками эпохи. И здесь происходил весьма сложный отбор, в котором власть не оставалась в стороне. Особенно значим и регулируем этот процесс был в советском обществе, где история имела не только и не столько научное, сколько идеологическое значение. При этом отбор фактов для «массового потребления» был весьма сложным и жёстким.

Так, один из наиболее ярких «функциональных» символов, широко известный в период Великой Отечественной войны - Ю. Смирнов. Он был участник танкового десанта в тыл врага летом 1944 года. Был ранен и захвачен в плен, его пытали, но он не сломался. Немцы распяли его на стене блиндажа, после войны был забыт, хотя и стал посмертно Героем Советского Союза. Иначе сложилась судьба других символов: партизанки Зои Космодемьянской, рядового Александра Матросова и юных подпольщиков-краснодонцев. О них были написаны не только журналистские статьи, но и литературные произведения, сняты художественные фильмы, их имена вошли в школьные учебники.

Следует отметить и другой феномен: некоторые героические символы становились сразу историческими знаками эпохи, минуя собственно «функциональную» стадию. Так, о героях Брестской крепости стало широко известно спустя много лет после войны. И это не случайно: в период «оттепели» происходило переосмысление многих исторических событий, в том числе и трагического периода начала Великой Отечественной войны, о котором в послевоенных условиях сталинского руководства старались

«забыть». Напротив, в условиях «оттепели» сложилась особая идеологическая конъюнктура, в соответствии с которой нужно было ярче высветить «промахи» сталинского руководства.

Итак, философы давно утверждают, что путь развития человечества – это не только путь выделения и обособления символа отдельного человека, но и путь коллективного героизма человечества в целом и это объективный исторический процесс. Героические символы Великой Отечественной войны по-прежнему остаются основой не только народной памяти о той войне, но и ценностным ядром национального самосознания в целом.